

Викентий Вересаев

ПУШКИН В ЖИЗНИ

153

**выдержки из свода
подлинных свидетельств современников**

Мы ведём свой род от прусского выходца Р а д ш и или Р а ч и (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского...

ПУШКИН.

Родословная Пушкиных и Ганнибалов. (1930).

...В справке, выданной В. Л. Пушкину из Московского Архива Коллегии Иностранных Дел в 1799 году, ближайшее потомство Радши записано так: «...К о л е н о с е д ь м о е: у Александра дети: Фёдор Неведомица, Александр Пято, Давыд Казарин, Володимир Холопиво, Григорий Пушка». От Григория Пушки, жившего в конце XIV или в начале XV века, и пошли, собственно, Пушкины.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ.

Род Пушкина. «Пушкин».

Изд. «Прибоя», 1929, с. 19, 21.

До глубокой старости Ганнибал помнил ещё Африку, роскошную жизнь отца, девятнадцать братьев, из коих он был меньшей; (...) помнил также любимую сестру Лагань, плывшую издали за кораблём, на котором он удалялся.

ПУШКИН.

Примечание в первом издании первой главы «Евгения Онегина».

Отец Ибрагима Ганнибала был владетельным князем в северной Абиссинии и имел резиденцию на абиссинском плоскогорье, на берегах Мареба, на границе между Хамасеном и Сарае, в Логоне. (...) Прадед Пушкина был одним из младших сыновей этого князя, находившегося уже в преклонных летах; он пользовался, по-видимому, особенно любовью своего отца, что могло вызвать зависть в старших братьях (от других жён), которые и нашли случай от него избавиться. Случай этот был вызван необходимостью уплаты туркам дани или представления заложников...

Д. Н. АНУЧИН.

«А. С. Пушкин». Антропологический эскиз. М., 1899.

Отд. оттиск из «Русских Ведомостей».

Родившись 26 мая, Пушкин, по общему обычаю, считался именинником в ближайший ко дню его рождения того святого, именем которого он назван; 2 июня память Александра, архиепископа Константинопольского.

П. И. БАРТЕНЕВ. Рус. Арх., 1889, III, с. 114.

До семилетнего возраста Пушкин не предвещал ничего особенного; напротив, своей неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращением к движению он приводил мать в отчаяние...

П. В. АННЕНКОВ. Материалы, 10–11.

Нащокин сказал, что первые стихи Пушкин написал на французском языке ещё будучи 8 лет.

П. И. БАРТЕНЕВ. Рассказы о П-не, 32.

154

Страсть к поэзии появилась в нём с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского. Он слышал один французский язык; гувернёр его был француз, впрочем человек неглупый и образованный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребёнок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другою. Пушкин был одарён памятью невероятною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта).
Биографическое известие
об А. С. Пушкине. Л. Майков, 4.

Пушкин, забираясь в библиотеку отца, перечитывал французские комедии Мольера и под впечатлением такого чтения сам стал упражняться в писании подобных же комедий, по-французски же. Брат и сестра (*Ольга*) для представления этих комедий соорудили в детской сцену, причём он был и автором пьес, и актёром, а публику изображала она.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ (племянник Пушкина)
со слов матери. Л. Павлищев, 17.

Знавшие дела семьи, единогласно свидетельствуют, что когда, в 1811 году, пришло время молодому Пушкину ехать в Петербург для поступления в лицей, он покинул отеческий кров без малейшего сожаления, разве что исключим дружескую горечь по сестре, которую он всегда любил.

П. В. АННЕНКОВ.
Пушкин в Алекс. эпоху, 27.

А. С. Пушкин при поступлении в лицей особенно отличался необыкновенною памятью и превосходным знанием французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть без всякой ошибки.

С. Д. КОМОВСКИЙ
со слов гувернёра С. Г. Чирикова.
Я. Грот, 218.

Вступив в лицей, А. Пушкин уже знал английский язык...

С. Л. ПУШКИН (отец поэта).
Отч. записки, 1841, т. XV, с. 2.

Пушкин начал влюбляться с одиннадцатилетнего возраста.

С. М. САЛТЫКОВА.

Б. Л. Модзалевский. «Пушкин».
Труды Пушкинского дома, 1929, с. 151.

Очень ленив, в классе не внимателен и не скромн, способностей не плохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия, успевает весьма посредственно.

Я. И. КАРЦЕВ

(преподаватель математики
и физики). Лицейский журнал.

Француз – лицейское прозвище Пушкина.

К. Я. ГРОТ,

Пушкинский лицей, 224.

«Воспоминания в Царском Селе» прочитаны на публичном экзамене 8 января 1815 года, но предварительно рассматривались начальством, были представлены графу Разумовскому (*министру просвещения*) и были прочтены при нём на репетиции, происходившей за несколько дней до экзамена, который начался 4 января.

В. П. ГАЕВСКИЙ.

Пушкин в лицее.
Современник, 1863, № 8, с. 368.

Все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. В математическом классе раз вызвал его Карцев к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и всё писал молча какие-то формулы. Карцев спросил его наконец: «Что ж вышло? Чему равняется x ?» Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю!» «Хорошо! У вас, Пушкин, в моём классе всё кончается нулём. Садитесь на своё место и пишите стихи».

И. И. ПУЩИН. Л. Майков, 60.

*...нам целый мир ужасно,
Отечество нам Царское Село.*

Пушкин был до того женолюбив, что, будучи ещё 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей во время лицейских балов взор его пылал, и он пыхтел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна.

С. Д. КОМОВСКИЙ. Я. Грот, 63.

Вышедши из лица, я тотчас почти уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но всё это нравилось мне недолго. Я любил и доньне люблю шум и толпу.

ПУШКИН.

Отрывочная запись 19 ноября 1824 г.

156

(...) Г-жа Кирхгоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север, рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся, предсказала его женитьбу и наконец преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать её от руки высокого, белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражён постепенным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта).

Л. Майков, 5.

Предсказание было о том, *во-первых*, что он скоро получит деньги; *во-вторых*, что ему будет сделано неожиданное предложение; *в-третьих*, что он прославится и будет кумиром соотечественников; *в-четвёртых*, что он дважды подвергнется ссылке, наконец, что он проживёт долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (*weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch*), которых и должен он опасаться. Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашёл совершенно неожиданно письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что, несколько дней спустя, в театре, его подозвал к себе А. Ф. Орлов и стал отговаривать его от поступления в гусары, а предлагал служить в конной гвардии... Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в псковскую деревню, что и было *вторичною ссылкой*. Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое дотоле исполнялось с такою буквальною точностью?..

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ.

Таинственные приметы в жизни Пушкина.

Рус. Арх., 1870, с. 1328–1386.

По выходе из лица Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны: он жадно, бешено предавался всем наслаждениям. Круг его знакомства и связей был чрезвычайно обширен и разнообразен. Тут началась его дружба с Жуковским, не изменившая ему до последней минуты. Поэзией Пушкин занимался мимоходом, в минуты вдохновения.

Л. С. ПУШКИН.

Л. Майков, 5.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкою... Семья моя была в отчаянии; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления – одно из самых сладостных. (...) Это было в феврале 1818 года.

ПУШКИН.
Остатки автобиографии.

Чаадаев, воспитанный превосходно, не по одному французскому манеру, но и по-английски, был уже двадцати шести лет, богат, и знал четыре языка. Влияние на Пушкина было изумительно. Он заставлял его мыслить. (...) Чаадаев был критик тогда. Взгляд его на жизнь был серьёзен. Он поворотил его на мысль. Пушкин считал себя обязанным и покидал свои дурачества в доме Чаадаева... Он беседовал с ним серьёзно.

Я. И. САБУРОВ.
Б. Л. Модзалевский.
«Пушкин». 1929, с. 337.

Сверчок (*Пушкин*) прыгает по бульвару и по... Стихи свои едва писать успева-ет. Но при всём беспутном образе жизни его он кончает четвёртую песнь поэмы (*«Руслан и Людмила»*). Первая... болезнь была и первую кормилицею его поэмы.

А. И. ТУРГЕНЕВ –
кн. П. А. Вяземскому,
18 дек. 1818 г. Ост. Арх., I, 159.

М. А. Максимович рассказывал, как Кюхельбекер стрелялся с Пушкиным и как в промахнувшегося последний не захотел стрелять, но со словом: «Полно дурачиться, милый; пойдём чай пить», – подал ему руку и ушли домой.

О. М. БОДЯНСКИЙ.
Дневник. Рус. Стар., т. 60, с. 414.

...Однажды в театре я сидела в ложе с одною из тёток. Почти к последнему акту в соседнюю ложу, где сидели две дамы и старичок, вошёл курчавый, бледный и худощавый мужчина. Я сейчас же заметила, что у него на одном пальце надето что-то вроде золотого напёрстка. Это меня заинтересовало... Курчавый господин зевал, потягивался и не смотрел на сцену, глядел больше на ложи, отвечал нехотя, когда с ним заговаривали дамы по-французски... Вдруг я припомнила, где его видела... Пушкин скоро ушёл из ложи. Более мне не удалось его видеть. Уже взрослою я узнала значение золотого напёрстка на его пальце. Он отрастил себе большой ноготь и, чтобы последний не сломался, надевал золотой футляр.

А. Я. ГОЛОВАЧЕВА-ПАНАЕВА.
Воспоминания. СПб., 1890, с. 23.

Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился, как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, до езды верхом, и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником известного фехтовального учителя Вальвиля.

П. В. АННЕНКОВ.
Материалы, 38.

Пушкин всякий день имеет дуэли; благодаря Бога, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы.

Е. А. КАРАМЗИНА (жена историка) –
кн. П. А. Вяземскому,
23 марта 1820 г. Собр. соч. кн. П. П. Вяземского.

Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что, за исключением двух первых годов его жизни в свете, никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин.

П. В. АННЕНКОВ.
Материалы, 43.

158

Победителю-ученику от побеждённого учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила», 1820, марта 26, Великая пятница.

В. А. ЖУКОВСКИЙ.
Надпись на его портрете, подаренном им Пушкину.
Пушкин. Изд. Брокгауз – Ефрон, т. II.

На дружеский выговор Чаадаева, зачем, уезжая из Петербурга (в южную ссылку – *прим. сост.*), он не простился с ним, Пушкин в ответ ему написал: «Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал: стоило ли будить тебя из-за такой безделицы».

П. И. БЕРТЕНЕВ
Со слов П. Я. Чаадаева.

На главной улице Кишинёва часто видели Пушкина с длинными волосами, в фуражке, или с коротко остриженными, в красной феске (Пушкин иногда подвержен был горячке; а потому принужден был брить голову, и тогда, в коротком кругу, носил феску...), с железной палицей в руке... Пушкин жил у Инзова, обедал, по большей части, у него же, у него же и проводил время по произволу. У себя читал, писал и часто стрелял восковыми пулями в цель из пистолета.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ.
Москвитянин, 1854, № 9, Смесь. с. 3.

Комнатки, отведённые для Пушкина, не отличались особенно обстановкой. Постель его всегда была измята, а потолок разукрашен какими-то особенными пятнами. Это объясняется тем, что Пушкин имел обыкновение лежать на кровати и стрелять из пистолета хлебным мякишем в потолок, стараясь выделывать на нём всевозможные узоры.

Со слов БАДИ-ТОДОРЕ,
молдаванина, жившего в услужении у Инзова.
Рус. Арх., II, 341.

Если верить Бади-Тодоре, то изо всей у Инзова прислуги он был самым приближённым к поэту человеком. Он обучал Пушкина молдавскому языку, который очень трудно давался ему. Мало-помалу Пушкин делал успехи и через некоторое время успел составить себе маленький молдавский словарь, из которого с грехом пополам складывал предложения... Бывало, придёт к нему в свободное время Бади-Тодоре, Пушкин его ещё на пороге встречает приветствиями на молдавском языке. (...) Некоторые фразы, которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду.

Со слов БАДИ-ТОДОРЕ.
Рус. Арх., 1899, II, 342.

...На поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял. Зубов стрелял первый и не попал. «Довольны вы?» – спросил его Пушкин, которому пришёл черёд стрелять. Вместо того, чтобы требовать выстрела, Зубов бросился с объятиями. «Это лишнее», – заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился.

П. И. БАРТЕНЕВ.
Пушкин в ю. России, 101–103.

Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти...

ПУШКИН –
брату Льву, 1823 г., из Одессы

Святая Русь мне становится невтерпёж. *Ubi bene, ibi patria**. А мне *bene* там, где растёт трын-трава, братцы! Были бы деньги, а где мне их взять? Что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться.

ПУШКИН –
брату Льву, 1824 г., из Одессы.

Золотой, принадлежавший Ал. С. Пушкину, перстень с резным восьмиугольным сердоликом. (...) История этого перстня видна из приложенной к нему записки И. С. Тургенева: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень (по поводу которого написал своё стихотворение: «Талисман») и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому»...

ОПИСАНИЕ ПУШКИНСКОГО МУЗЕЯ
Имп. Алекс. Лицея СПб., 1899, с. 11.

(...) Я жажду одного – независимости...

ПУШКИН – А. И. Казначееву,
1824 г. Черновик (*фр.*).

Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!

ПУШКИН –
брату Льву, 1824 г.

* Где хорошо, там и родина (*лат. изречение*).

В досужее время он в течение дня много ходил и ездил верхом, а вечером любил слушать русские сказки и тем, – говорил он, – вознаграждал недостатки своего французского воспитания. Вообще образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь Онегина. (...) Вообще он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки...

Л. С. ПУШКИН (брат поэта).
Л. Майков, 111.

Заветной мечтой поэта, с самого приезда его в Михайловское, сделалось одно: бежать от заточенья деревенского, а если нужно, то и из России. Помыслы о бегстве за границу начались у Пушкина ещё в Одессе.

П. В. АНЕНКОВ.
Пушкин в Алекс. эпоху, 283–287.

160

Трагедия моя (*Борис Годунов*) кончена, я перечитал её вслух, один, бил в ладоши и кричал: ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!

ПУШКИН –
кн. П. А. Вяземскому, нач. окт. 1825 г.

Известие о кончине Александра I и происходивших вследствие одного колебания о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 дек. Пушкину давно хотелось увидеться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решил отправиться в Петербург... Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, и от него запастись сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на обратном пути из Тригорского в Михайловское, – ещё раз заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белой горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена. Глядь, в воротах встречается священник, который шёл проститься с отъезжающим баринком. Всех этих встреч не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остаётся у себя в деревне.

«А вот каковы были бы последствия моей поездки, – прибавлял Пушкин. – Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я попал бы с прочими на Сенатскую площадь, и не сидел бы теперь с вами, мои милые!»

М. П. ПОГОДИН.
Простая речь о мудрёных вещах.
Изд. 3. М., 1875, отд. II, с. 24.

О предполагаемой поездке Пушкина инкогнито в Петербург в дек. 1825 года верно рассказано Погодиным в книге его «Простая речь». Так я слышал от Пушкина. Но, сколько помнится, двух зайцев не было, а только один. А главное, что он бухнулся бы в самый кипятик мятежа в ночь с 13-го на 14 декабря: совершенно верно.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ –
Я. К. Гроту в 1874 г.
К. Я. Грот. Пушкинский лицей.
СПб., 1911, с. 107.

Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живём в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры или бордели, то моё глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь: когда-нибудь прочтёшь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нём дарование приметно. Услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не вернётся – ай да умница! Прощай!..

ПУШКИН –
кн. П. А. Вяземскому,
27 мая 1826 г., из Пскова.

(...) Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова...

ПУШКИН – кн. П. А. Вяземскому,
10 июля 1826 г., из Михайловского.

Пушкин сказывал, что в бытность свою в деревне ему приснилось накануне экзекуции над пятью известными преступниками (*казни пяти декабристов 13 июля 1826 года*), будто у него выпало пять зубов.

В. Ф. ЩЕРБАКОВ.
Из заметок о пребывании Пушкина в Москве.
Собр. соч. Пушкина, 1905, т. VIII, 110.

Всего покрытого грязью (с дороги в Москву – *прим. сост.*), меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» – «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нём. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога!» – «Довольно ты подурачился, – возразил император, – надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне всё, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором».

ПУШКИН
в передаче А. Г. Хомутовой.
Рус. Арх., 1867, с. 1066 (*фр.*).

Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошёл в партер Большого театра, мгновенно пронёсся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, всё внимание обратилось на него...

Н. В. ПУТЯТА.
Из записной книжки.
Рус. Арх., 1899, II, 350.

Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца-поэта.

К. А. ПОЛЕВОЙ.
Цит. по: Рус. Арх., 1901, II, с. 250.

Проницательный русский поэт, обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно скромен в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался со своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения. В самом деле, по образованности, по многосторонней учёности Мицкевича, Пушкин не мог сравнить себя с ним, и сознание в том делает величайшую честь уму нашего поэта.

К. А. ПОЛЕВОЙ. Записки, 171.

Как поэт, как человек минуты, Пушкин не отличался полною определённою убеждений. Стихи («Во глубине сибирских руд...») были принесены в Москве, в начале 1827 года, самим Пушкиным А. Г. Муравьевой, перед отъездом её в Сибирь к её супругу. Прощаясь с нею, Пушкин так крепко сжал её руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда он к ней вошёл.

П. И. БАРТЕНЕВ.
Рус. Арх., 1874, II, 703.

(1826–1827). Мы увидели Пушкина с хор Благородного Собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека. Один был блондин, высокого роста; другой – брюнет, роста среднего, с чёрными, кудрявыми волосами и выразительным лицом. «Смотрите, – сказали нам, – блондин – Баратынский, брюнет – Пушкин». Они шли рядом, им ступали дорогу. В конце залы Баратынский с кем-то заговорил. Пушкин стал подле белой мраморной колонны, на которой был бюст государя, и облокотился на него.

Т. П. ПАСЕК.
Из дальних лет. Воспоминания.
Т. I. СПб., 1878, с. 221.

Сходство (*тропининского*) портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиогномия Пушкина, – столь определённая, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить её, – вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы *один* портрет Пушкина мог дать о нём истинное понятие.

Н. А. ПОЛЕВОЙ.
Московский телеграф., 1827,
часть XV, отд. 2, с. 33.

Около 1826 года в Петербурге водил он знакомство с гвардейской молодёжью и принимал деятельное участие в кутежах и попойках. Однажды пригласил он несколько человек в тогдашний ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит: «Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник!» – «Да ведь я богаче вас, – отвечает Пушкин, – вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв алфавита».

Кн. А. Ф. ГОЛИЦЫН-ПРОЗОРОВСКИЙ.
По записи П. И. Бартенева,
Рус. Арх., 1888, III, 468.

Лучший портрет сына моего есть тот, который написан Кипренским и гравирован Уткиным.

С. Л. ПУШКИН.
Отечеств. Записки, 1841,
т. XV, особ. прилож., 4.

15 окт. 1827 г. (...) На следующей станции нашёл я Шиллерова «Духовидца»; но едва успел я прочесть первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем. Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опёршись у колонны. К нему подошёл высокий, бледный и худой молодой человек с чёрною бородою, во фризовой шинели... Увидев меня, он с живостью на меня взглянул; я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга – и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством. Я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали.

ПУШКИН.
Встреча с Кюхельбекером.

У Пушкина был рукописный подстрочный перевод «Конрада Валенрона», потому что наш поэт, восхищённый красотами подлинника, хотел, в изъявление своей дружбы к Мицкевичу, перевести всего «Валенрона». Он сделал попытку, перевёл начало, но увидел, как говорил он сам, что не умеет переводить, т. е. не умеет подчинить себя тяжёлой работе переводчика (171–174).

К. А. ПОЛЕВОЙ. Записки.

Пушкин и Дельвиг всегда гордились тем преимуществом, что родились в Москве, утверждая, что тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судёю ни по части хорошего выбора на русском языке, ни по части выбора истинно русских выражений. Вот почему Пушкин бесился, слыша, если кто-то про женщину скажет, «она тяжела» или даже «беременна», а не *брюхата*, – слово самое точное и на чисто русском языке обыкновенно употребляемое.

П. А. ПЛЕТНЁВ – Я. К. Гроту.
Переписка Грота с Плетнёвым, III, 400.

Пушкин поражён был красотой Н. Н. Гончаровой с зимы 1828–1829 года. Он, как сам говорил, начал помышлять о женитьбе...

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ.
Собр. соч., 520.

Нат. Ник. Гончаровой только минуло шестнадцать лет, когда они впервые встретились с Пушкиным на балу в Москве. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Ал. Сер. не мог оторвать от неё глаз. (...) Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению – не то что сконфузили, а как-то придавили её. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врождённая стыдливость только возвысила её в глазах поэта.

А. П. АРАПОВА
(урожд. Ланская, дочь Нат. Ник. от второго брака),
«Н. Н. Пушкина-Ланская». Новое время,
1907, № 11409, с. 7.

Тотчас по приезде в Петербург, Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал всё его воображение ещё на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и, наконец, у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликёра... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «Дома ли хозяин?» – услышал ответ слуги: «Почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?» – «Как же, работал, – отвечал слуга. – В картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесённый школьной идеализацией его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окружённого постоянно облаком вдохновения.

П. В. АННЕНКОВ
со слов Гоголя. Материалы, 360.

164

Когда я увидел её в первый раз, красоту её только что начинали замечать в обществе. Я полюбил её, голова у меня закружилась, я просил её руки. Ответ ваш, при всей его неопределённости, едва не свёл меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию. Спросите, – зачем? Клянусь, сам не умею сказать; но тоска непроизвольная гнала меня из Москвы: я бы не мог в ней вынести присутствия вашего и её.

ПУШКИН –
Нат. Ив. Гончаровой (матери будущей его жены),
в первой половине апреля 1830 г. (фр.).

Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш А. С. Пушкин... Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-Су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичёв, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевлённый отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Можно поверить, что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца Муз на Кавказе.

Н. И. УШАКОВ.
История военных действий в Азиатской Турции
в 1828 и 1829 г. Часть вторая. Варшава, 1843, с. 303.

(...) В чтении же Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого, на другой день, я зазвал к себе его родственника Захара Чернышёва, знавшего английский язык, как свой язык, и, предупредив его, в чём было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить его нам. Чернышёв при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?» Расхохотался в свою очередь и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышёв нашёл перевод правильным и понимание языка безукоризненным.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ.
Воспоминание о Пушкине.
Рус. Арх., 1880, III, 435–445.

Пушкин приехал в Москву с намерением сделать предложение Н. Н. Гончаровой. Собираясь ехать к Гончаровым, поэт заметил, что у него нет фрака. «Дай мне, пожалуйста, твой фрак, – обратился он к Нащокину. Я свой не захватил, да, кажется, у меня и нет его». Друзья были одинакового роста и сложения, а потому фрак Нащокина как нельзя лучше пришёлся на Пушкина...

В. А. НАЩОКИНА.
Новое Время, 1898,
№ 8115, иллюстр. прил.

Село Большое или Базарное Болдино, при речке Азане, или Сазанке, находится (...) в юго-восточном углу Нижегородской губернии. (...) Избы, как и в большинстве селений этой полосы, крыты соломой, и самое село, благодаря этому, имеет вид бедной глухой деревушки. (...) Вокруг Болдина местность степная, безлесная, встречаются лишь небольшие рощицы из дубняка и осинника. (...) Старый барский дом, в котором жил Пушкин, по показанию старожилов, находился на том же месте, где и теперь стоит господская усадьба... Это был небольшой одноэтажный дом, с деревянной крышей, с чёрным двором и службами, обнесённый мелким дубовым частоколом... Из окон дома открывался унылый вид на крестьянские соломенные крыши. Всё население села Болдина – русские, православного вероисповедания; занимались хлебопашеством. Почва здесь чернозёмная и отчасти суглинок. Кроме хлебопашества, жители Болдина занимались приготовлением чёрного поташа из золы сорных трав и соломы (20 дворов). Главный промысел болдинских крестьян был санный. Зимой почти всё село работало крестьянские сани.

Во владении С. Л. Пушкина (отца поэта – *прим. сост.*) в Нижегородской губернии к 1830 году состояло: сельцо Кистенёво, где было 476 душ, и половина села Болдино в 564 души; другая половина села Болдино находилась во владении брата его, Василия Львовича.

А. И. ЗВЕЗДИН.
О Болдинском имении А. С. Пушкина.
Н.-Новгород, 1912.

Я думал, что земля, которую мой отец дал мне, составляет особое имение; но она – часть деревни из 500 душ, и нужно приступить к разделу.

ПУШКИН –
Н. Н. Гончаровой,
9 сент. 1830 г., из Болдина.

Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездят верхом, сколь душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы, и стихов.

ПУШКИН –
П. А. Плетнёву,
9 сент. 1830 г., Болдино.

Будь проклят тот час, когда я решил оставить вас и пуститься в эту прелестную страну грязи, чумы и пожаров – мы только и видим это. Я бешусь. Наша свадьба, по-видимому, всё убегает от меня, и эта чума, с её карантинами – разве это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать?

ПУШКИН –
Н. Н. Гончаровой,
30 сент. 1930 г., Болдино.

166

(...) Говорили мы о «Евгении Онегине». Пушкин молча рисовал что-то на листочке. Я говорю ему: «Зачем вы убили Ленского? Варя весь день вчера плакала!» (...) – «Ну, а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?» – «Я бы только ранила Ленского в руку или плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану, и они ещё больше друг друга полюбили»...

А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВА.
Цит. по: «Разговоры Пушкина»,
изд. «Федерации», 1929, с. 154.

По рассказу Ольги Сергеевны (сестры Пушкина), родители невесты дали всем своим детям прекрасное домашнее образование, а главное, воспитывали их в страхе Божиим. (...) Чтение книг с мало-мальски романтическим пошибом исключалось из воспитательной программы, а потому и удивляться нечего, что большая часть произведений Пушкина, сделавшихся в то время достоянием всей России, оставались для его суженой неизвестными.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 209.

Во время обряда (венчания – *прим. сост.*) Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец одно из них упало на пол... Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих «Tous les mauvais augures (Всё это плохие знаки)!»

Рус. Стар., 1880, т. XXVII, 148.

Я женат – и счастлив. Одно желание моё, – чтоб ничего в жизни моей не изменилось: лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился.

ПУШКИН – Плетнёву,
24 февр. 1831 г., из Москвы.

Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говаривал, что ему подле неё быть унизительно: так мал был он в сравнении с нею ростом.

П. И. БАРТЕНЕВ
со слов кн. В. Ф. Вяземской.
Рус. Арх., 1888, II, 311.

Раз я созналась Пушкину, что мало читаю. Он мне говорит: «Послушайте, скажу я вам по секрету, что я читать терпеть не могу, многого не читал, о чём говорю. Чужой ум меня стесняет».

А. О. СМИРНОВА.
Голос минувшего, 1917, № 11, 155.

Пушкин был ревнив и страстно любил жену свою, что несколько, однако, не мешало ему иногда скучать в её присутствии. Она его не понимала и, конечно, светские успехи его ставила выше литературных. Раз А. О. Смирнова посетила его на даче. (...) Когда затем Смирнова сошла вниз к жене его, Наталья Николаевна сказала ей: «Вот какая ты счастливая, — я тебе завидую. Когда ты приходишь к моему мужу, он весел и смеётся, а при мне зевает».

Я. П. ПОЛОНСКИЙ.
Кое что о Пушкине.
Cosmopolis. 1898, март, 201.

167

Раз, когда Пушкин читал моей матери стихотворение, которое она должна была в тот же день передать государю, жена Пушкина воскликнула: «Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» (...) В Царскосельском театре затевался спектакль, и моя мать сообщила Пушкиной, что она получит приглашение. Это привело её в лучшее настроение, и она сказала моей матери: «Пожалуйста, продолжайте чтение. Я вижу, ему этого очень хочется. А я пойду посмотрю мои платья. Вы зайдите ко мне потом, чтобы сказать, что мне лучше надеть для спектакля?»

О. Н. СМИРНОВА.
Записки, I, 181.

Наталья Николаевна была очень хороша, высока ростом, стройна, черты лица удивительно правильны, глаза небольшие и одним она иногда немного косила...

Ф. Г. ТОЛЬ.
Декабристы на поселении.
Изд. Сабашниковых. М., 1926, с. 144.

Жену свою Пушкин иногда звал: «моя косая Мадонна». У неё глаза были несколько вкось...

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ.
Рус. Арх., 1900, I, 398.

Однажды на вопрос Баратынского, не помешает ли он ей, если прочтёт в её присутствии Пушкину новые стихотворения, Наталья Николаевна ответила: «Читайте, пожалуйста; я не слушаю».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ
со слов своей матери.
Воспоминания, 57.

Переходы от порыва веселья к припадкам подавляющей грусти происходили у Пушкина внезапно, как бы без промежутков. (...) Нервы Пушкина ходили всегда, как на каких-то шарнирах, и если бы пуля Дантеса не прервала нити его жизни, то он немногим бы пережил сорокалетний возраст.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ
со слов О. С. Павлицевой, сестры Пушкина.
Л. Павлицев, 156.

(...) Эта блистательная, безукоризненная дама (внучка Кутузова – прим. сост.), наконец, поддалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своём доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в её великолепный дворец; по условию, он лёг под диваном в гостиной и должен был дожидаться её приезда домой... Наконец после долгих ожиданий, он слышит, подъехала карета. В доме засуетились. Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины... Через несколько минут разговора фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна. «Etes-vous la» и Пушкин был перед нею. Дверь была заперта; густые роскошные гардины задёрнуты. Начались восторги сладострастия. Они играли, веселились. (...) Наконец, Пушкин как-то случайно подошёл к окну, отдёрнул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Он наскоро кое-как оделся, поспешая выбраться. Смущённая хозяйка ведёт его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали. У самых дверей они встречают дворецкого, итальянца (печки уже топят). (...) Хозяйка позвала свою служанку, старую чопорную француженку, уже давно одетую и ловкую в подобных случаях. (...) Она свела Пушкина вниз прямо в комнаты мужа. Тот ещё спал. Шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за ширм он спросил: «Кто здесь?» – «Это – я», – ответила ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел... На другой же день Пушкин предложил итальянцу-дворецкому золотом 1.000 руб., чтобы он молчал, и хотя он отказывался от оплаты, но Пушкин принудил его взять. – Таким образом всё дело осталось тайною.

П. В. НАЩОКИН.
Рассказы о Пушкине, 36.

(...) На другой день отец повёз меня к Пушкину – он жил в довольно скромной квартире; самого хозяина не было дома, нас приняла его красавица-жена. Много видел я на своём веку красивых женщин, много встречал женщин ещё обаятельней Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединила бы в себе законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, её маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши? Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные даже из самых прелестных женщин меркли как-то при её появлении.

Граф В. А. СОЛОГУБ.
СПб., изд. А. С. Суворина, 1887, с. 115–118.

Однажды, возвратясь с бала, на котором Н. Н. Пушкина вообразила, что муж её ухаживает за *т-те* Крюднер (что было совершенно несправедливо), она дала ему пощёчину, о чём он, смеясь, рассказывал Вяземскому, говоря, что «у его мадонны рука тяжёленька».

О. Н. СМЕРНОВА.
Записки, I, 340.

7-го сентября, в 9 часов утра, муж мой ездил провожать Боратынского, видел там Пушкина, и в полчаса успел так хорошо с ним познакомиться, как бы они уже долго жили вместе. Пушкин ехал в Оренбург собирать сведения для истории Пугачёва и по той же причине останавливался на сутки в Казани. (...) В тот же день, поутру, ездил, тройкою на дрожках, один к Троицкой мельнице, по Сибирскому тракту, за десять вёрст от города; здесь был лагерь Пугачёва, когда он подступал к Казани. Затем, объехав Арское поле, был в крепости, обошёл её кругом...

(...) В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою руку со следующими ласковыми словами: «Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы познакомили нас заочно, а Боратынский ещё более».

(...) По приезде от Крупеникова, прислали за моим мужем от одного больного: он хотел было отказаться, но Пушкин принудил его ехать. Я осталась с моим знаменитым гостем одна... Он просил показать ему стихи, писанные ко мне Боратынским, Языковым и Ознобишиным... Потом просил меня непременно прочесть стихи моего сочинения. Я прочла сказку: *жених*, и он слушал меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероятно из любезности, несколько раз останавливал моё чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторять и прочитывал сам.

А. А. ФУКС.

А. С. Пушкин в Казани.
Казанск. Губ. Вед., 1884, № 2.

(...) По словам Данзаса, Дантес, при довольно большом росте и приятной наружности, был человек не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врождённую способность нравиться всем с первого взгляда.

А. АММОСОВ

со слов К. К. Данзаса.

Последние дни Пушкина. СПб., 1863, 5.

Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьёзно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение. (...) Привёл мне в пример Сервантеса, который хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принял за «Донкишота», никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет... Это был сюжет «Мёртвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему.)

Н. В. ГОГОЛЬ.

Авторская исповедь, 211.

В Михайловском нашёл я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нём няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был.

ПУШКИН – Н. Н. Пушкиной,
25 сент., 1835 г., из Тригорского.

170

Пушкин был характера весьма серьёзного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти, чтоб умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха... В ярком смехе мне всегда слышалось нечто насильственное, и буд-то бы ему самому при этом невесело на душе.

Бар. Е. Ф. РОЗЕН. Ссылка на мёртвых.
Сын Отечества, 1847, кн. 6,
отд. III. с. 27.

В ту пору через Тверь проехал Валуев и говорил мне, что около Пушкиной увивается сильно Дантес.

Гр. В. А. СОЛОГУБ.
Записка, Б. Модзалевский. «Пушкин», 375.

Наряды и выезды поглощали всё время (*Натальи Николаевны и её старшей сестры Екатерины Николаевны*). Хозяйством и детьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна. Пушкин подружился с нею...

П. И. БАРТЕНЕВ.
Рус. Арх., 1888, II, 309.

Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына (*Льва*), и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал её к нему равнодушнее и вызывал с её стороны сожаление, что успех этот не достался её любимцу. Но последний год её жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такою охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что она не умела его ценить. Он сам привез её тело в Святогорский монастырь, где она похоронена.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ.
Рус. Вестник, 1869, № 11, 89.

Натура могучая. Пушкин и телесно был отлично сложен, строен, крепок, отличные ноги. В банях, куда ездил с Нащокиным тотчас по приезде в Москву, выпарившись на полке, бросался в ванну со льдом и потом уходил опять на полку. К концу жизни у него уже начала показываться лысина, и волосы его перестали виться.

П. И. БАРТЕНЕВ.
Рассказы о Пушкине, 43.

Нащокин носил кольцо с бирюзою против насильственной смерти и в последний приезд Пушкина настоял, чтоб он принял от него такое же кольцо. Оно было заказано. Его долго не несли, и Пушкин не хотел уехать, не дождавшись его. Кольцо было принесено поздною ночью. По свидетельству Данзаса, кольца этого не было на Пушкине во время предсмертного поединка; но перед самою кончиною он велел подать ему шкатулку, вынул из неё бирюзовое кольцо и, подав Данзасу, сказал: «От общего нашего друга».

П. И. БАРТЕНЕВ
со слов П. В. Нащокина.
Деятнадцатый век, I, 393.

Пушкин много и подолгу любил ходить; во время своих переездов по России нередко целую станцию проходил он пешком, а пройтись около 30 вёрст от Петербурга до Царского Села ему было нипочём.

П. И. БАРТЕНЕВ.
Рус. Арх., 1903, № 6, обложка.

Раз как-то Александра Николаевна заметила пропажу шейного креста, которым она очень дорожила. Всю прислугу поставили на ноги, чтобы его отыскать. Тщетно перешарив комнаты, уже отложили надежду, когда камердинер, постилая на ночь кровать Александра Сергеевича... нечаянно вытряхнул искомый предмет.

А. П. АРАПОВА.
Новое время, 1907, № 11413.

Александрина была очень некрасивая, но весьма умная девушка. Ещё до брака Пушкина (...) знала наизусть все стихотворения своего будущего зятя и была влюблена в него заочно. Вскоре после брака Пушкин сошёлся с Александриною и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению. Александрина сознавалась в этом г-же Полетике.

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ.
Дуэль и смерть Пушкина, 2 изд., с. 404.

(...) С нами вместе обедал друг Александра Сергеевича, г. Плетнёв, да три дамы, родственницы жены его, сама она больна после родов и поэтому не выходила. За столом я имела случай заметить странность в моём любезном хозяине; у него четверо детей, старшая из них, девочка лет пяти (...) сидела с нами за столом; друг Пушкина спросил её: не раздумала ли она идти за него замуж? – Нет, отвечало дитя, не раздумала. – А за кого ты охотнее пойдёшь, за меня или за папеньку? – За тебя и за папеньку. – Кого ты больше любишь, меня или папеньку – Тебя больше люблю и папеньку больше люблю...

АЛЕКСАНДРОВ
(кавалерист-девица Н. А. Дурова).
Год жизни в Петербурге,
или Невыгоды третьего посещения. СПб., 1838.

(...) Наталья Николаевна первое время не обращала никакого внимания на явное ухаживание Дантеса, привыкшего к лёгким победам, и это равнодушие, казавшееся ему напускным, только подзадоривало его. Тогда он принялся за систематическую атаку.

(...) Этим неустанным преследованием он добился того, что Наталья Николаевна стала обращать на него внимание, а Екатерина Николаевна, хотя она и должна была понять, что ухаживания относятся к сестре, влюбилась в него, но пыталась скрыть это чувство до поры, до времени.

А. П. АРАПОВА.
Новое Время, № 11416, с. 6.

Дантес был статен, красив; на вид ему было лет 20, много 22 года. (...) И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодёжи, кроме одной, о которой мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним... В то время в высшем обществе было развито бугрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль.

(...) В то время Новая Деревня была модным местом. Мы (*кавалергарды*) стояли в избах... Всё высшее общество располагалось на дачах поблизости, преимущественно на Чёрной речке. Дантес часто посещал Пушкина. Он ухаживал за Натасей... Дантес был противен (*Пушкину*) своею манерою, несколько нахальною, своим языком, менее воздержным, чем следовало с дамами... Манера Дантеса просто оскорбляло его, и он не раз высказывал желание отделаться от его посещений. *Nathalie* не противоречила ему в этом. Быть может, даже соглашаясь с мужем, но, как набитая дура, не умела прекратить свои невинные свидания с Дантесом. Быть может, ей льстило, что блестящий кавалергард всегда у её ног. Когда она начала говорить Дантесу о неудовольствии мужа, Дантес, как повеса, хотел слышать в этом как бы поощрение к своему ухаживанию. Если б *Nanhalie* не была так непроходимо глупа, если бы Дантес не был так избалован, всё кончилось бы ничем...

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ.
Об отношениях Пушкина к Дантесу.
П. Е. Щеголев. Дуэль, 400.

Дантес обладал безукоризненно правильными, красивыми чертами лица, но ничего не выражавшими, что называется, стеклянными глазами. (...) К счастливой внешности следует прибавить неистощимый запас хвастовства, самодовольства, пустейшей болтовни... Дантесом увлекались женщины не особенно серьёзные и разборчивые, готовые хохотать всякому излагаемому в модных салонах вздору.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ
со слов О. С. Павлицевой.
Л. Павлицев, 421.

(Окончание в следующем выпуске.)

